Ч51/639

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, СОСТОЯЩЕЕ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТРУДЫ И ПРОТОКОЛЫ.

I, 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Е. Будде. Очеркъ исторіи возникновенія, развитія и дѣятельности комиссіи, образованной Казанскимъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для разсмотрѣнія вопроса о русской орѳографіи . . . . . 1—16.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

НЭТ

И 51639

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО, СОСТОЯЩЕЕ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТРУДЫ И ПРОТОКОЛЫ.

I, 4.

СОДЕРЖАНІЕ.

Е. Будде. Очеркъ исторіи возникновенія, развитія и дѣятельности комиссіи, образованной Казанскимъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для разсмотрѣнія вопроса о русской орѳографіи . . . . . 1—16.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1904.

И.Т.

Печатано по опредѣленію Педагогическаго Общества при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

И. д. предсѣдателя Е. Будде.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25323 1971 г.

Очеркъ исторіи возникновенія, развитія и дѣятельности комиссіи, образованной Казанскимъ Педагогическимъ Обществомъ, состоящимъ при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, для разсмотрѣнія вопроса о русской орѳографіи.

На нашихъ глазахъ растетъ грамотность нашего населенія: по отчетамъ о состояніи грамотности въ нашемъ отечествѣ за послѣдніе годы видно, что съ каждымъ годомъ процентъ грамотныхъ людей въ Россіи повышается; въ мѣстахъ, ближайшихъ къ крупнымъ культурнымъ центрамъ, особенно къ столицамъ, рабочіе и ремесленники разнаго рода уже предъявляютъ значительный спросъ на книгу, читаютъ газеты и, видимо, культивируются подъ вліяніемъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ книги. Только въ одномъ деревенскомъ крестьянскомъ населеніи, по причинамъ особенностей его быта, отстало еще значительно образованіе отъ того уровня, который наблюдается среди городского населенія; равнымъ образомъ грамотность среди женщинъ вообще меньше, чѣмъ среди мужчинъ. Такимъ образомъ, ростъ просвѣщенія нашей страны не подлежитъ сомнѣнію. Но что собственно подняло процентъ грамотныхъ людей въ нашей странѣ? Кто повысилъ этотъ процентъ? Отвѣтъ на эти вопросы получится тогда, когда мы отдадимъ себѣ отчетъ въ томъ, кого мы должны считать грамотнымъ при статистическомъ подсчетѣ. При такомъ подсчетѣ оказывается важнымъ для насъ не то обстоятельство, гдѣ кончилъ курсъ своего ученія данный субъектъ, и кончилъ-ли онъ вообще курсъ, а то, умѣетъ-ли онъ читать и понимать прочитанное, умѣетъ-ли онъ изобразить свое имя, свою фамилію, умѣетъ-ли онъ написать письмо и т. п. Всякому хорошо извѣстно, что процентъ грамотныхъ повышенъ у насъ именно тѣмъ, что прибавилось къ количеству интеллигентныхъ, образованныхъ людей съ дипломами и со свидѣтельствами отъ разныхъ учебныхъ заведеній сравнительно большое число тѣхъ, кто выучился читать и писать или въ воскресныхъ школахъ, или у волостныхъ писарей,

у деревенской интеллигенціи, у частныхъ своихъ знакомыхъ или, наконецъ, самоучкой. Вотъ какія лица имѣли вліяніе на повышеніе процентнаго отношенія грамотныхъ къ неграмотнымъ въ нашей странѣ. И за всѣмъ тѣмъ, принимая во вниманіе даже сосредоточеніе грамотнаго населенія вокругъ городовъ, все-таки въ нашемъ отечествѣ гораздо болѣе 50% неграмотныхъ; а чѣмъ далѣе отъ городовъ, тѣмъ грамотность болѣе понижается, и число неграмотныхъ людей въ различныхъ закоулкахъ нашего обширнаго отечества доходитъ до 99%. Но, привѣтствуя въ общемъ поднятіе роста грамотности, попробуемъ задаться вопросами: что собственно приблизило эту массу къ свѣту просвѣщенія, какой путь пройденъ этой массой, повысившей процентъ грамотныхъ людей? Мы, не колеблясь, отвѣчаемъ, что звуковой методъ обученія и буквари, составленные по звуковому методу,—вотъ тотъ путь, который сдѣлалъ изъ неграмотнаго человѣка грамотнаго и возвысилъ послѣдняго настолько, что его и сравнить нельзя съ человѣкомъ „темнымъ“. Однако, какъ мало похожи письма такихъ грамотныхъ людей на письма тѣхъ, кого мы навываемъ образованными и грамотными съ точки зрѣнія грамотности нашей школы! Съ другой стороны, какая масса учащейся молодежи должна была выходить прежде времени изъ учебнаго заведенія, не окончивъ курса, изъ-за „безграмотности“, понимаемой уже въ другомъ значеніи, именно, въ значеніи школьномъ. Наконецъ, если мы подсчитаемъ процентъ тѣхъ интеллигентныхъ вполнѣ и даже высокообразованныхъ людей, которые въ наше время въ любомъ своемъ письмѣ представили бы случай строгому учителю нашей оффиціальной школы подчеркнуть немалое количество ошибокъ противъ правилъ нашего правописанія, усвоенныхъ ими въ школѣ, то процентъ такихъ людей окажется очень внушительнымъ: едва-ли найдется половина всѣхъ несомнѣнно образованныхъ людей въ нашемъ отечествѣ, которые-бы писали безъ ошибокъ съ точки зрѣнія принятаго въ школѣ правописанія, и, по выходѣ изъ школы, не забывали въ скоромъ времени тѣхъ мудреныхъ правилъ, которыми уснащали ихъ умъ въ учебныхъ заведеніяхъ; тѣмъ не менѣе потребность въ расширеніи свѣдѣній не останавливалась и въ другой половинѣ людей, умъ и познанія ихъ развивались, и они дѣлались просвѣщенными въ истинномъ смыслѣ и полезными членами нашего общества. Что изъ этого слѣдуетъ? По меньшей мѣрѣ,—то, что знаніе правилъ нашей орѳографіи исчезло безслѣдно, и время и трудъ, употребленные на усвоеніе этихъ формальныхъ знаній, пропали для человѣка даромъ: онъ вынесъ изъ школы то, что ему

пригодилось въ жизни и сдѣлало его способнымъ къ усовершенствованію, забывъ все то, что тормозило его прогрессъ, и что отброшено въ немъ самой практической жизнью съ ея потребностями... Отсюда естественно рождается вопросъ: приблизило-ли хоть сколько-нибудь къ типу просвѣщеннаго или образованнаго человѣка, вышедшаго изъ школы, то, что онъ усвоилъ правила школьной орѳографіи, или нѣтъ? Отвѣтъ ясенъ изъ предыдущаго. А если мы примемъ въ расчетъ то, что наши величайшіе писатели, оказавшіе культурныя заслуги всему отечеству, какъ Жуковскій, Гоголь, Пушкинъ и другіе, писали совсѣмъ не руководствуясь тѣми правилами орѳографіи, которыхъ мы теперь требуемъ отъ нашихъ учениковъ, и знаніе которыхъ въ наше время даетъ право ученику на званіе „грамотнаго“ или „просвѣщеннаго“ человѣка съ точки зрѣнія нашей современной школы, то мы поймемъ истинное значеніе правилъ орѳографіи въ исторіи просвѣщенія и образованія. Многіе государственные дѣятели съ геніальнымъ реформаторомъ Россіи, царемъ Петромъ, во главѣ, писали такъ, какъ непозволительно было бы въ наше время ученику 1-го класса средняго учебнаго заведенія, а между тѣмъ мысли этихъ великихъ людей были и понятны, и плодотворны, и жизнеспособны, и безсмертны по своему выдающемуся положительному значенію... Кажется, нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ трудиться и тратить время при сознаніи, что трудъ не приноситъ истинной пользы, а время—тратится даромъ; кажется, нѣтъ ничего вреднѣе для правильнаго развитія душевныхъ силъ ребенка, какъ отягощеніе его въ дѣтскомъ возрастѣ формальными знаніями, безполезными въ жизни, но очень трудными при ихъ усвоеніи и тормозящими свободное и гармоническое развитіе духовныхъ способностей дитяти или юноши. А между тѣмъ такой характеръ носятъ знанія нашей современной школьной орѳографіи, и таковы труды нашихъ учителей и учениковъ по преподаванію и усвоенію тѣхъ правилъ орѳографіи, которыя имѣютъ исключительно формальное значеніе въ кругу общеобразовательныхъ предметовъ школы. Сколько времени, сколько силъ, сколько трудовъ кладутъ учителя и ученики на усвоеніе тѣхъ правилъ орѳографіи, въ которыхъ ни учитель, ни ученики разобраться не могутъ! Какъ мало изъ правилъ нашей школьной орѳографіи такихъ, которыя могутъ быть усвоены при участіи дѣятельности разумной и сознательной! Большинство правилъ требуетъ механическаго, неразумнаго труда, и облегчить этотъ трудъ не въ силахъ ни учителя, ни ученики. Вотъ откуда происходитъ то слѣдствіе, что спасительныя силы разумной природы чело-

вѣка изъ стремленія сохранить въ немъ духовную энергію и производительность проявляютъ сами себя въ томъ смыслѣ, что человѣкъ, выходя изъ школы въ жизнь, забываетъ всѣ эти условныя правила школьной орѳографіи, которыя сковывали его мысль, не давая ей времени въ лучшую эпоху жизни, въ школѣ, сосредоточиться на познаніяхъ, которыхъ требовалъ разумъ. По вычисленію „отчета о состояніи городскихъ начальныхъ училищъ, учрежденныхъ Московскою Городскою Думою, за 1898—99 учебн. годъ“ въ III-мъ отдѣленіи на русское чтеніе и письмо обыкновенно тратится—15, 18 часовъ въ недѣлю, на ариѳметику—6, на Законъ Божій—2, а бесѣды по исторіи и географіи велись только въ шести училищахъ изъ 136, находящихся въ Москвѣ. Обученіе правописанію сдѣлалось одной изъ существенныхъ задачъ средней школы. Большая часть времени въ младшихъ классахъ уходитъ именно на занятіе орѳографіей. Въ среднихъ и старшихъ классахъ нерѣдко назначаются особые часы, сверхъ обычнаго расписанія, на упражненія учащихся въ правописаніи. Работы учениковъ, оканчивающихъ среднюю школу, оцѣниваются преимущественно со стороны орѳографіи, и 2—3 грубыхъ ошибки въ выпускномъ сочиненіи лишаютъ ученика законныхъ результатовъ 8—9 лѣтнихъ занятій въ гимназіи. Его не спасутъ ни обнаруженная имъ начитанность, ни стройность и логичность изложенія, ни литературность стиля. А между тѣмъ истинное просвѣщеніе, какъ мы видѣли, легко обходится и безъ правилъ орѳографіи! Поэтому историкъ Московской городской школы не безъ основанія назвалъ грамматику съ ея „орѳографическими тонкостями“ „злымъ духомъ начальныхъ училищъ“. Учебные планы гимназій и реальныхъ училищъ категорически заявляютъ, что въ IV-мъ классѣ „ученики не должны погрѣшать противъ правилъ орѳографіи“. „Поистинѣ—грамотность—это какой-то молохъ, въ жертву которому мы безжалостно приносимъ интересъ общаго образованія и судьбу учащихся. Буква царитъ въ своей священной неприкосновенности въ нашей школѣ, налагая тяжелую матеріальную дань на все населеніе и задерживая стремленіе къ живому знанію. Было бы величайшимъ благодѣяніемъ не только для школы, но, безъ преувеличенія можно сказать, и для всей страны, если бы оказалось возможнымъ устранить этотъ культъ буквы, тормозящей свободное развитіе школы“. Такъ говорило Московское Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ въ своемъ докладѣ по вопросу объ упрощеніи русской орѳографіи годъ тому назадъ. Чтобы выяснить, каковы дѣйствительные результаты уси-

ленной работы средней школы надъ усвоеніемъ правописанія, Отдѣленіе преподавателей русскаго языка Московскаго Педагогическаго Общества предприняло въ ноябрѣ и декабрѣ 1889 года спеціальное обслѣдованіе состоянія грамотности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Обслѣдованіе это производилось посредствомъ диктантовъ, которые являются обычнымъ, оффиціально признаннымъ способомъ провѣрки грамотности. Въ четвертомъ и седьмомъ классахъ 30 учебн. заведеній, главнымъ образомъ московскихъ, были произведены провѣрочные диктанты. Писали 42 четвертыхъ класса и 30 седьмыхъ классовъ, а всего 1739 учащихся въ женскихъ и въ мужскихъ учебн. заведеніяхъ. Всего ими сдѣлано 9444 ошибки, слѣдовательно, на каждаго приходится почти $5^1/_2$ ошибокъ, при чемъ оказалось, что нѣтъ существеннаго различія ни между мужскими и женскими учебными заведеніями, ни даже между IV и VII классами, т. е. число ошибокъ остается почти одинаковымъ, что въ IV, то и въ VII классахъ. Ясно, средняя школа не можетъ достигнуть нашей грамотности не только въ IV классѣ, какъ того требуютъ учебные планы, но и въ VII клаССѣ. Отсюда слѣдуетъ, что усвоеніе грамотнаго русскаго письма есть огромный трудъ для учащихся, что на это дѣло тратится значительный запасъ умственныхъ силъ учащихся и учащихъ. Положеніе учащихъ тѣмъ печальнѣе, что они по чистой совѣсти не могутъ признать своихъ занятій безусловно полезными и необходимыми; они не имѣютъ утѣшенія въ сознаніи, что ихъ работа, хотя и тяжела, но даетъ положительные и цѣнные результаты. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ болѣе или менѣе мыслящихъ учителей, (спрашиваютъ московскіе педагоги), продѣлывая безконечныя упражненія на букву *ъ* въ корняхъ, суффиксахъ и флексіяхъ, на окончанія именъ прилагательныхъ *ые, ыя* и т. п., не испытывалъ горькаго чувства досады, что онъ не можетъ привести серьезнаго, научнаго довода, который оправдалъ-бы въ его собственныхъ глазахъ и въ глазахъ учениковъ цѣлесообразность ихъ занятій, что онъ, наоборотъ, то и дѣло долженъ отвѣчать молчаніемъ на законный вопросъ учащихся—„почему?“ и сознаваться въ условности и даже ложности тѣхъ правилъ орѳографіи, которымъ онъ обучаетъ. Не слѣдуетъ думать, что вопросъ объ упрощеніи нашей орѳографіи и постановкѣ ея на раціональную, разумную почву при преподаваніи, есть вопросъ послѣдняго времени. Далеко нѣтъ! И представители школы, и общество, и разныя педагогическія учрежденія уже давно поднимали этотъ жгучій вопросъ, который то разгорался, то затихалъ, не доходя однако никогда до осязательныхъ практи-

ческихъ и полезныхъ результатовъ въ жизни нашей школы. Ближайшимъ къ намъ послѣднимъ поводомъ къ возбужденію вновь этого вопроса въ школѣ и въ обществѣ былъ выходъ въ 1885 году „Русскаго правописанія“ академика Грота. Это руководство получило значеніе оффиціальнаго кодекса правилъ по русской орѳографіи и было признано обязательнымъ для нашей школы. Однако въ этомъ новомъ руководствѣ не только не рѣшалась основная задача упорядоченія и упрощенія русской орѳографіи, не только не облегчалось преподаваніе въ школѣ, но, напротивъ, дѣло преподаванія еще болѣе во многихъ случаяхъ усложнилось введеніемъ новыхъ правилъ, не достаточно мотивированныхъ и опять разсчитанныхъ на механическое усвоеніе дѣтьми. Въ педагогическомъ мірѣ началось новое движеніе и выразилось горячимъ протестомъ въ печати и въ засѣданіяхъ ученыхъ обществъ противъ условныхъ правилъ русской орѳографіи. Московскій педагогическій міръ не остался въ сторонѣ отъ этого движенія: слѣдуя призыву одного изъ крупнѣйшихъ московскихъ преподавателей Влад. Петров. Шереметевскаго и помня его завѣты, комиссія преподавателей русскаго языка, состоящая при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній, лелѣяла мысль о водвореніи въ школѣ работы серьезной и образовательной, каковою можетъ быть только посильная для большинства работа, и наконецъ подъ руководствомъ своего предсѣдателя поставила въ 1895 году на видное мѣсто „вопросъ о ходатайствѣ передъ Академіей Наукъ объ упрощеніи русскаго правописанія и объ отмѣнѣ обязательнаго слѣдованія руководству Грота“. Когда при Московскомъ Университетѣ возникло Педагогическое Общество, то въ составъ его вошли почти всѣ члены Учебнаго отдѣла, т. е. члены Комиссіи преподавателей русскаго языка и словесности при Учебномъ Отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній образовали основное ядро Отдѣленія преподавателей русскаго языка и словесности новаго Педагогическаго Общества. Для вопроса о русскомъ правописаніи послѣ доклада проф. Брандта была избрана особая комиссія, которая выработала докладъ свой въ 14 засѣданіяхъ въ теченіе полутора годовъ. Докладъ этотъ былъ представленъ на обсужденіе общаго собранія, которое подвергло его тщательному разбору въ трехъ засѣданіяхъ и большинствомъ голосовъ утвердило его съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, намѣреваясь затѣмъ, на основаніи выработаннаго проекта, возбудить соотвѣтствующее ходатайство передъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Это было 26 мая 1901 года. Не прошло и четырехъ

мѣсяцевъ послѣ этого, какъ наше Казанское Педагогическое Общество въ лицѣ одного изъ своихъ членовъ возбудило тотъ-же наболѣвшій вопросъ объ упорядоченіи и упрощеніи русской орѳографіи, образовало для обсужденія этого вопроса спеціальную комиссію и принялось за дѣло, пользуясь случаемъ со своей стороны примкнуть къ тому современному движенію по пути реформы нашей школы, которое обнаружилось такъ ярко, благодаря всеобщему сознанію необходимости переустройства нашей школы на началахъ разумной современной педагогики и дѣтской психологіи. Высочайшій рескриптъ, данный на имя новаго Министра Народнаго Просвѣщенія, а равно и объявленная программа дѣйствій новаго Министерства исполнили радостныхъ надеждъ и все русское общество, и представителей педагогическаго міра въ особенности. Оффиціальное признаніе недостатковъ въ постановкѣ учебнаго дѣла въ школѣ равносильно сознанію необходимости реформъ, и наше Педагогическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, всегда особенно чутко относившееся къ вопросамъ школы и воспитанія, поспѣшило и на этотъ разъ приняться за усиленную работу по одному изъ вопросовъ раціональной постановки преподаванія русскаго языка въ нашей средней и низшей школѣ. Спеціальная комиссія работала въ теченіе всей зимы 1901 и 1902 года, съ октября по апрѣль, имѣя засѣданія сначала черезъ каждыя 2 недѣли, а потомъ черезъ каждую недѣлю по субботамъ. Всего было 13 засѣданій Комиссіи. Сознавая всю важность вопроса, выдвинутаго Московскимъ Педагогическимъ Обществомъ, Казанская комиссія на первыхъ-же порахъ въ основу своихъ работъ положила проектъ Московскаго Общества объ упрощеніи русской орѳографіи и по мѣрѣ своихъ занятій все болѣе расширяло кругъ своихъ вопросовъ, обсудивъ и тѣ изъ нихъ, которыхъ не коснулось Московское Педагогическое Общество. Мысль о томъ, чтобы возбудить вопросъ о реформѣ русскаго правописанія заключала въ себѣ сколько интереснаго, столько же смѣлаго. Комиссія не разъ колебалась и сомнѣвалась въ успѣхѣ начатаго дѣла; нерѣдко засѣданія ея были очень немноголюдны, но у многихъ членовъ ея не уменьшился ни интересъ къ вопросамъ орѳографіи, ни упорный трудъ въ разработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ. Первое засѣданіе привлекло сравнительно очень немного сотрудниковъ, и тогда-же, въ октябрѣ мѣсяцѣ, было постановлено пригласить къ участію всѣхъ желающихъ преподавателей и преподавательницъ русскаго языка въ городѣ Казани, не стѣсняясь тѣмъ, были-ли эти преподаватели въ то-же

яремя членами Педагогическаго Общества, или нѣтъ. Такая постановка дѣла, по мнѣнію Комиссіи, давала возможность болѣе широкаго и разносторонняго обсужденія вопросовъ орѳографіи и исключала всякую субъективную оцѣнку какъ трудностей русской орѳографіи для школы, такъ и вопроса о необходимости пересмотра правилъ русскаго правописанія. Въ видахъ еще большаго расширенія дѣла и объективнаго отношенія къ нему Комиссія приглашала участвовать въ обсужденіи вопросовъ орѳографіи путемъ письменныхъ сообщеній (на имя секретаря) и всѣхъ учителей Казанскаго Округа, а также оповѣстила черезъ газету „Оренбургскій Край“ и учителей Оренбургскаго Учебнаго Округа о томъ, для какихъ цѣлей образована Комиссія въ г. Казани. По Округу были разосланы печатныя объявленія о желательныхъ измѣненіяхъ въ русской орѳографіи, и Комиссія не осталась безъ отвѣта: Курмышское и Яранское городскія училища прислали выраженія своего полнаго сочувствія работамъ и планамъ Казанской Комиссіи, а равно намѣтили и рядъ желательныхъ, по ихъ мнѣнію, измѣненій въ русскомъ правописаніи.

Нельзя сказать, чтобы всѣ засѣданія Комиссіи отличались одинаковымъ настроеніемъ ея сотрудниковъ: не разъ многихъ одолѣвали сомнѣнія въ плодотворности нашей работы, не разъ многіе задавались вопросами: „неужели орѳографія такая важная вещь и такое зло нашей школы, что требуется неотложная и коренная реформа и въ этомъ дѣлѣ для болѣе успѣшнаго хода преподаванія“? Приходилось горячо спорить, расходиться во мнѣніяхъ, откладывать рѣшеніе вопроса и доказывать полную основательность того взгляда, что наша орѳографія въ современномъ ея видѣ не можетъ выдержать даже самой снисходительной научной критики и не заслуживаетъ того, чтобы на усвоеніе ея въ общеобразовательной школѣ класть столько трудовъ и трудовъ почти безплодныхъ. Обильные матеріалы, доставленные любезно въ Комиссію гг. сотрудниками ея, учителями и учительницами низшихъ и среднихъ школъ г. Казани, матеріалы, заключающіеся въ подсчетѣ ученическихъ ошибокъ противъ правилъ орѳографіи, а равно спеціально съ этою цѣлью произведенные провѣрочные диктанты въ школахъ разнаго наименованія, окончательно убѣдили Комиссію въ необходимости сдѣлать болѣе свободнымъ доступъ къ просвѣщенію путемъ упрощенія и упорядоченія русской орѳографіи, которая, по количеству указанныхъ процентовъ ошибокъ, ложится тяжелымъ бременемъ на учащуюся молодежь, не давая ей никакихъ общеобразовательныхъ зна-

ній и въ тоже время затрудняя усвоеніе другихъ предметовъ, имѣющихъ и развивающее и практическое значеніе въ жизни. Особенно тяжело отзывается обязательность орѳографически-правильнаго письма, въ условномъ смыслѣ, на инородцахъ, которыхъ очень много въ Казанскомъ краѣ. На дѣлѣ оказывалось, что извѣстное количество ошибокъ противъ принятыхъ правилъ орѳографіи закрывало инородцамъ доступъ къ просвѣщенію въ инородческой школѣ, и грамотность не могла идти въ своемъ развитіи. Невольно рождался вопросъ: что-же это за ошибки? Почему они такъ вредны для дальнѣйшаго образованія? Всякому было интересно обсудить вопросъ, съ какой точки зрѣнія ошибки противъ правилъ орѳографіи считаются ошибками. Мы понимаемъ что, если мы въ суммѣ отъ сложенія *двухъ* яблоковъ получимъ 5 яблоковъ, то это будетъ ошибкой, и эта ошибка легко устранима въ школѣ при участіи разума учениковъ въ провѣркѣ сложенія. Но съ какой точки зрѣнія и почему будетъ ошибочно писать слово „*кльть*“ черезъ *е*, а слово „*плеть*“ черезъ *ѣ*? Противъ чего это прегрѣшеніе? Можно-ли для устраненія этой и подобныхъ ошибокъ воспользоваться разумомъ учениковъ и объяснить имъ ошибку согласно правиламъ разумнаго преподаванія и педагогики? На этотъ вопросъ школа, пользуясь опытными данными, отвѣчала единогласно отрицательно.

Дѣйствительно, раскрыть и объяснить тѣ случаи, гдѣ въ русскомъ языкѣ должно писаться *ѣ*, можно только при посредствѣ той науки, которая проходится въ университетахъ и называется сравнительнымъ языковѣдѣніемъ. Эта наука для средней школы недоступна, а въ низшихъ школахъ она неизвѣстна даже и учителямъ, которые однако преподаютъ правила о буквѣ *ѣ* и *е*. Тѣми-же соображеніями, которыя доступны дѣтскому разуму и могутъ быть сообщены въ школѣ, какъ напримѣръ, соображеніе о томъ, что звукъ *ё* изображается черезъ *е*, а звукъ *е* черезъ *ѣ*, вовсе не покрывается все количество случаевъ правописанія *ѣ*. Напримѣръ, если языкъ имѣетъ произношеніе *мѣлъ* и *мёлъ*, то, съ другой стороны, тотъ же языкъ имѣетъ *звёзды*, *гнёзда*, *цвѣлъ* и проч., гдѣ, не смотря на звукъ *е*, требуется правилами *ѣ*. Кромѣ этого, языкъ имѣетъ одинаковыя произношенія: *тѣнь* и *день*, *кльть* и *плеть*, гдѣ при одинаковыхъ произношеніяхъ требуется различное начертаніе. Масса такихъ случаевъ, гдѣ ученикъ даже при помощи учителя не можетъ уяснить себѣ, почему надо написать *е*, а не *ѣ*: напр. въ случаяхъ, какъ *ночлегъ*, *опека*, *мелкій*, *некого*, *спесь*, *хмель*, *предметъ* и мн. др. Или почему въ словахъ: *мелѣять*, *телѣга* и друг.

слѣдуетъ писать *ѣ*, когда въ словахъ: *блеять*, *вселенная* нужно писать *е*, а въ словѣ: *повелѣнное* нужно писать *ѣ*, при словѣ *населённая* со звукомъ *ё*.

Всѣ эти и подобные случаи невозможно разъяснить разумно не только ученику низшей школы, но и средней. Искать въ старомъ русскомъ языкѣ указаній для постановки ѣ въ современномъ русскомъ языкѣ нельзя ни въ средней, ни въ низшей школѣ: это будутъ пустыя слова и напрасный трудъ для ученика не только младшаго, но и старшаго класса, такъ-какъ и въ старомъ русскомъ языкѣ мы не найдемъ опредѣленныхъ указаній на этотъ предметъ, а современный русскій языкъ совсѣмъ не различаетъ въ произношеніи *ѣ* и *е*. Слѣдовательно, для языка оказалось съ теченіемъ времени совершенно излишнимъ имѣть двѣ буквы *ѣ—е*, такъ-какъ звукъ, изображаемый на бумагѣ ими, есть звукъ одинъ. А для чего-же служитъ письмо, какъ не для того, чтобъ изобразить при его посредствѣ звуки нашего языка? Тѣ звуки, которыхъ нѣтъ въ нашемъ языкѣ, не нуждаются и въ изображеніи ихъ на бумагѣ!

Такимъ-же излишнимъ начертаніемъ оказался *ъ*, а такъ-же одно изъ двухъ *и*, затѣмъ *ѳ* и *ѵ*. *Ѳ* тоже распознается лишь ссылкой на другіе языки, именно, на греческій, который не доступенъ низшей школѣ, а грамота нужна и ей. Кромѣ того, *ѳ* не пишется часто тамъ, гдѣ ей нужно-бы было писаться по указанію греческаго языка, напр., въ словѣ *театръ* вмѣсто *ѳеатръ*, въ словѣ *теологія*; въ другихъ-же словахъ мы часто видимъ *ф*, гдѣ нужно было-бы тоже *ѳ*, напр., *Афанасій* и др. Звука-же особаго для *ѳ* въ нашемъ языкѣ такъ-же не имѣется. Итакъ, если средства для уразумѣнія различныхъ случаевъ русскаго правописанія скрыты отъ учениковъ, а иногда и отъ учителей, въ неизвѣстныхъ для нихъ наукахъ, а самъ языкъ не требуетъ непремѣнно даннаго правописанія, то отсюда по меньшей мѣрѣ слѣдуетъ то, что ученикамъ возможно предоставить на произволъ писать ту или другую букву въ такихъ случаяхъ. Но такъ какъ такая неопредѣленность при начальномъ преподаваніи была-бы прежде всего непедагогичною, то Комиссія и занялась пересмотромъ правилъ правописанія съ цѣлью составленія упрощеннаго правописанія на началахъ разумности и отысканія той системы, которая могла-бы, проникая собой все правописаніе, быть легко усвоена дѣтьми при посредствѣ не механическаго заучиванія, а разумнаго усвоенія. Исходя изъ того основнаго положенія, что орѳографія должна прежде всего служить практическимъ цѣлямъ и доставлять наиболѣе легкій доступъ къ грамотѣ учащимся,

Комиссія рѣшила обратить свое вниманіе прежде всего на тѣ научныя основанія, на которыхъ покоится наша орѳографія. Съ этой цѣлью были пересмотрѣны вопросы орѳографіи, при чемъ оказалось, что для многихъ правилъ нѣтъ рѣшительно никакихъ научныхъ оправданій. Такими правилами, очевидно, не стоило дорожить, потому что обученіе имъ не могло быть поставлено при ихъ сохраненіи на разумную почву: нужно было отыскать для такихъ правилъ настоящія разумныя основанія или измѣнить ихъ. Когда были сгруппированы случаи правописанія по тѣмъ основаніямъ, которыми они поддерживались, то оказалось, что научно обоснованныхъ правилъ сравнительно немного, большинство же ихъ произвольно и поддерживается традиціей, или не можетъ быть объяснено ученикамъ школы. Такая безсистемность нашего правописанія выдвинула на очередь вопросъ о томъ, какую систему принять при упрощеніи и упорядоченіи орѳографіи. Послѣ тщательнаго разсмотрѣнія была отвергнута строго фонетическая система, т. е. правописаніе по произношенію, такъ какъ произношеніе въ разныхъ мѣстахъ Россіи разнообразное, и потому письмо и книга не могли бы быть понятны ученикамъ во всѣхъ мѣстахъ, если книги написаны на какомъ-нибудь мѣстномъ нарѣчіи. Приходилось, значитъ, прибѣгать къ научнымъ основаніямъ, такъ какъ послѣднія только и могли объединить собой правописаніе во всѣхъ разнорѣчивыхъ основахъ его правилъ. Но не для всѣхъ правилъ можно указать научныя основанія, а потому приходилось на ряду съ послѣдними допускать и фонетическое начало литературнаго произношенія. Изъ такого компромисса между основаніями научными и фонетическими получалось нѣчто среднее въ основаніи правописанія, при чемъ фонетическій элементъ былъ допустимъ лишь постольку, поскольку онъ выражалъ собой въ правописаніи то произношеніе, которое служитъ общимъ для всѣхъ мѣстностей Великороссіи, такъ какъ языкъ русскаго государства есть языкъ великорусскій. Лишь только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ совершенно отсутствовали научныя основанія, по необходимости приходилось класть въ основаніе фонетическое начало, и въ этихъ случаяхъ это начало бралось изъ говора московскаго, какъ говора, на основѣ котораго образовалась литературная рѣчь. Комиссія была рѣшительно противъ допущенія неопредѣленности правилъ, признавая такую неопредѣленность недопустимою при преподаваніи, а потому ей приходилось иногда жертвовать научными цѣлями во имя дидактическихъ. Съ другой стороны, Комиссія полагала, что упрощенная орѳографія, проникнутая системой, легко доступная сообра-

женію учениковъ и удовлетворяющая требованіямъ удобопонятности, все-таки будетъ заключать въ себѣ на первыхъ порахъ много новаго и необычнаго съ точки зрѣнія существующей нынѣ орѳографіи, а потому она не должна быть обязательной до тѣхъ поръ, пока она сама собой не войдетъ въ печатный и всеобщій обиходъ, для котораго сама практика образуетъ съ теченіемъ времени тотъ типъ письма, который явится на основѣ упрощенной орѳографіи наиболѣе цѣлесообразнымъ типомъ. Для школы, по мнѣнію Комиссіи, такая необязательность или непринудительность новой орѳографіи была бы полезна въ томъ отношеніи, что ученики и учителя не несли бы отвѣтственность за тѣ ошибки и результаты обученія теперешней орѳографіи, которые не могутъ быть исправлены и улучшены. Уничтоживъ буквы: ъ, ѣ, ѳ, і, ѵ, Комиссія оставила однако ъ и *и* на слѣдующихъ основаніяхъ: безъ ъ невозможно обойтись въ такихъ словахъ, какъ—*носитъ*, *конъ*, *костъ* и проч., а такъ какъ ъ долженъ быть сохраненъ, то Комиссія рѣшила имъ воспользоваться и въ значеніи слогоотдѣлительнаго знака въ такихъ словахъ, какъ: *съѣстъ*, *объѣхать*, *объемъ* и проч., гдѣ мы произносимъ звукъ передъ ъ почти мягко, такъ какъ онъ стоитъ передъ мягкими гласными. Что же касается буквы *и* (восьмеричное), то оно предпочтено потому, что у насъ уже есть эта буква *и* съ знакомъ краткимъ наверху, безъ которой (буквы *й*) мы обойтись не можемъ въ такихъ словахъ, какъ напр., *край*, *пой*, *лейка*, *шейка*, *пей*, *душой*, *водой*, и проч. Далѣе, слѣдуя принципу и научному, и практическому, а такъ же легко доступному для пониманія учениковъ, именно, что неясный гласный становится яснымъ въ ударяемомъ положеніи, а неясный согласный—въ положеніи передъ слѣдующими гласными, Комиссія удержала, съ одной стороны, этимъ основы научнаго словопроизводства, а съ другой,—допустила принципъ правописанія по произношенію тамъ, гдѣ это оказалось необходимымъ. Такъ, было принято въ Комиссіи правописаніе *ово* и *ево* въ именахъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ въ родительномъ падежѣ единственнаго числа на томъ основаніи, что гласные звуки этихъ окончаній ясно слышатся подъ удареніемъ въ словахъ: *глухдво*, *третьёво дня*, *моевдо*, *одновдо*, а согласный звукъ *в* есть единственно существующій въ этихъ окончаніяхъ во всемъ русскомъ языкѣ въ литературномъ произношеніи, согласный же *г* здѣсь не существуетъ такъ же, какъ не существуетъ и гласный звукъ *ѣ*. Равнымъ образомъ принято окончаніе для именительнаго надежа множественнаго числа именъ прилагательныхъ *ыи*, *ии* въ виду существующаго окончанія *ъи* въ

въ словахъ, какъ *лисьи*, и въ виду ясности конечнаго звука *и* подъ удареніемъ въ такихъ словахъ, какъ *мои́*, *твои́*, *свои́*, *одни́*, *они́* и такихъ какъ: *немы́и*, *злы́и*, *глухи́и*, *туги́и* и пр., гдѣ ясны *ы* и *и*. Конечно, если бы можно было преподать ученикамъ разумныя основанія для иного правописанія въ этихъ случаяхъ и доказать научность этихъ основаній понятнымъ образомъ, то Комиссія сохранила бы въ этихъ случаяхъ старое правописаніе. Комиссія нашла возможнымъ измѣнить окончанія именительнаго падежа един. ч. именъ прилагательныхъ *ый*, *ий* на *ой* и *ей*, потому что эти окончанія являются чисто русскими и ближе передаютъ русское произношеніе; кромѣ того, они находятся въ соотвѣтствіи съ окончаніями косвенныхъ падежей. Комиссія занялась и правописаніемъ такихъ словъ, какъ *медвѣжей*, допустивъ здѣсь *ей* въ виду особаго окончанія именъ прилагательныхъ этого типа, а во вторыхъ, потому, что Комиссіей уже признано сочетаніе *же* въ дат. и предлож. падежахъ именъ сущ.: *коже*, *каше*. Находя подкрѣпленіе въ живомъ произношеніи и не находя опоры въ наукѣ, Комиссія признала желательнымъ правописаніе *ж*, *ш*, и *ц* въ соединеніи только съ твердыми гласными, а *ч* и *щ*—только съ мягкими во всякомъ положеніи, т. е. правописаніе: *жы́ла*, *шы́ло*, *мужомъ*, *ножомъ*, *шалашо́мъ*, *лицо́*, *сердцо*, *лицомъ*, *сердцомъ* и проч. На этомъ же основаніи Комиссія рекомендуетъ подвести правило о правописаніи всѣхъ представокъ: *из*, *воз*, *низ*, *раз*, *без* и *чрез* подъ одинъ законъ объ ассимиляціи звуковъ, обнаруживающійся здѣсь послѣдовательно въ произношеніи, не смотря на различныя попытки придумать правила объ этихъ представкихъ на иныхъ основаніяхъ. Такъ, Комиссія приняла правописаніе: *беспокойный*, но *бездѣльный* и пр. На этомъ же основаніи Комиссія рѣшила употреблять только форму *её*, уничтоживъ употребленіе *ея*, какъ форму, неизвѣстную въ живомъ произношеніи и не опирающуюся на науку. Единство принципа сохранено Комиссіей и въ правописаніи окончаній *іи*, *ьи*, *ъи*, напр., въ словахъ: *о Василіи*, *о Маріи*, *Софьѣ*, *житьѣ* и проч., гдѣ принято согласно съ флексіей дательн. и предлож. падежей писать вездѣ *е* и послѣ *і*, и послѣ *ь*, независимо отъ ударенія: *о Василіе*, *о Маріе*, *Софіе*, *Софье*, *житье*, *о житіе*; исключеніе составляетъ единственная форма *въ забытьи*, которая допущена при формѣ *въ забытьѣ(е)*, такъ-же существующей въ языкѣ. Имѣя сужденіе о разныхъ мелкихъ вопросахъ правописанія, собственно по необходимости введенныхъ въ курсъ нашей школы, Комиссія пришла къ заключенію о возможности значительнаго сокращенія и упрощенія

правилъ правописанія Грота о переносѣ словъ и о прописныхъ буквахъ. Комиссія занималась вопросами о слитномъ и раздѣльномъ написаніи словъ, о правописаніи *не* и *ни*. Поставить преподаваніе правописанія такихъ случаевъ на научную почву не представлялось никакой возможности, опереться на произношеніе въ этихъ вопросахъ нельзя, а потому Комиссія занялась выработкою удобоусвояемаго правила на эти случаи и пришла къ заключенію, что о слитномъ написаніи удобно сказать такъ: если ученикъ различаетъ въ сліяніи два слова, которыя можно употреблять отдѣльно, то написаніе должно быть раздѣльное.

Вообще Комиссія указала, въ силу необходимости, только на два—три случая, гдѣ ей пришлось допустить орѳографію по произволу пишущаго. Таковъ случай переноса словъ изъ одной строки въ другую. Въ общемъ работы Комиссіи могутъ быть сгруппированы въ проектѣ орѳографіи слѣдующаго содержанія.

1. Исключаются изъ состава азбуки лишнія буквы: ѣ, ъ, ѵ, і, ѳ.

Предлагаются слѣдующія орѳографическія правила.

Въ области фонетики.

2. ь пишется а) въ тѣхъ случаяхъ, когда означаетъ согласный звукъ мягкій, напр.: купать, письмо, мальчикъ, весьма, нянька. (Поэтому ь долженъ быть опущенъ въ окончаніи неопредѣленнаго наклоненія *ться*, т. е. слѣдуетъ писать: купатся, молится). Слѣдовательно, б) ь пишется послѣ мягкихъ шипящихъ *ч* и *щ*: ночь, дочь, мечь, плащь, ночька, точька; в) внутри словъ въ раздѣлительномъ значеніи, напр.: обьем, отьехать, сьесть.

3) Послѣ *ж*, *ш* и *ц*, какъ послѣ твердыхъ, пишется только твердый гласный и *е* за неимѣніемъ твердаго гласнаго звука, такъ какъ *э* признано возможнымъ оставить только въ началѣ словъ и въ иностранныхъ словахъ: жыр, шыло, медицына, цыркуль, мужомъ, сердцомъ, лицо, шорохъ, женщина, шест...

4. Послѣ *ч* и *щ*, какъ послѣ мягкихъ, пишутся только мягкія: *я*, *ю* и проч.; чюдо, щюка, чиж, чяй, щипать, о чёмъ, чей, щей.

5. Приставки *воз*, *из*, *низ*, *раз*, *без*, и *чрез* передъ глухими согласными мѣняютъ *з* на *с*, напр. бездѣльный, беспокойный, чрезмерный, чересполосный.

Въ области морфологіи.

6. Изъ правописанія ь послѣ *ч* и *щ* возстановляется древнерусскій суффиксъ въ такихъ формахъ, какъ: дочька, ночька и др.

7. Въ именительномъ падежѣ единствен. числа мужескаго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, причастій и числительныхъ порядковыхъ сохраняется древне-русское окончаніе, (ой, ей), въ виду его соотвѣтствія съ окончаніями косвенныхъ падежей: черной, первой, некоторой, легкой, свежой, синей, третей и т. д. Въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ послѣ *ж* пишется *ей*; въ виду особаго склоненія въ косвенныхъ падежахъ этихъ именъ прилагательныхъ: медвежей.

8. Въ родительномъ падежѣ един. числа мужескаго и средняго рода прилагательныхъ, мѣстоименій, числительныхъ порядковыхъ и причастій пишется *ово* и *ево*: доброво, синево, моево́ и т. д. (Смотр. 7). Конечное *о* въ этомъ суффиксѣ возстановляется подъ удареніемъ.

9. Въ именит. и винит. падежахъ множ. числа именъ прилагательныхъ и другихъ частей рѣчи прилагательнаго склоненія сохраняются древне-русскія окончанія *ыи, ии*: черныи, синии. Эти окончанія возстанавливаются тоже подъ удареніемъ: глухи́и, немы́и.

10. Форма *её* употребляется не только въ качествѣ винительнаго падежа, но и въ качествѣ родительнаго, какъ единственно извѣстная русскому языку.

11. Устраняется произвольное различеніе по родамъ равноправныхъ формъ: *они, одни* и *онѣ, однѣ* и вводится исключительное употребленіе формъ *они* и *одни*, какъ преобладающее въ литературномъ произношеніи.

12. Въ предлож. падежѣ един. числа словъ на ій, ія, іе и въ дательномъ единственнаго чис. словъ на ія пишется вездѣ *е*, на основаніи соображеній о единообразіи окончаній. (Исключеніе можетъ составлять—*въ забытьи*—при *въ забытье*).

13. Относительно слитнаго и раздѣльнаго письма (такихъ словъ, какъ—сначала, вмѣстѣ, встарь) постановлено писать раздѣльно, когда различаются два отдѣльныхъ самостоятельныхъ слова, и слитно, когда слова, потерявъ самостоятельное значеніе, слились въ одно: вдали и въ дали, въ даль и вдаль, но: вплотную, вразсыпную и др.

14. Писать удвоенное *н* въ прилагательныхъ и причастіяхъ, когда учащійся ясно слышитъ *два звука*, т. е. предоставить это усмотрѣнію учащихся: кожанной, деревянной, полотнянной, серебряной, овсяной.

15. Большія буквы оставлены по Гроту въ слѣдующихъ случаяхъ:

Съ большой буквы пишутся:

а) Первое слово строки, начинающей новый отдѣлъ текста или первое слово послѣ точки.

б) Первое слово чужой рѣчи, приводимой послѣ двоеточія между кавычками (если это слово взято изъ начала рѣчи, а не изъ середины).

в) Имена трехъ лицъ Божества и высшихъ существъ, составляющихъ предметъ религіознаго почитанія христіанъ: Богъ, Господь, Творецъ, Всевышній, Богородица, Святой Духъ, Св. Троица и т. п.; а также слова: Провидѣніе, Промыслъ, Небо, Церковь въ духовномъ смыслѣ.

г) Титла царствующаго въ Россіи Дома: Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Ихъ Императорскія Величества.

д) Собственныя личныя имена, а также составляющія съ ними одно прозваніе придаточныя титла или нарицательныя имена, равно прилагательныя и числительныя: Іоаннъ Креститель, Юліанъ Отступникъ, Иванъ Калита, Иванъ Грозный, Петръ Великій, Екатерина Вторая и проч.

е) Собственныя географическія имена, означающія государства, страны, области, селенія, горы, озера, рѣки, каналы, также названія улицъ, зданій, мостовъ: Россія, Бессарабія, Нижній Новгородъ, Мураевня, Пріютино, Морская, гора Благодать, Тихое море, Байкалъ, Волга, Адмиралтейство (какъ зданіе), Синій мостъ.

ж) Заглавія книгъ, періодическихъ изданій, статей, стихотвореній: Дѣянія Святыхъ Апостоловъ, Исторія Государства Россійскаго, Московскій Вѣстникъ, Новое Время. Иногда съ большой буквы пишется только первое слово заглавія, напр.: Капитанская дочка.

з) Названія кораблей и другихъ судовъ: Держава, Орелъ, Слава Россіи, Проворный.

16) При переносѣ словъ предоставить въ преподаваніи свободу учащимъ, такъ какъ на этотъ предметъ не выработано научно никакихъ руководящихъ основаній.

Предсѣдатель комиссіи **Е. Будде.**

M
71.17